

12+

Матвей Сергеевич
Бирюков

Тихая вода

Матвей Бирюков

Тихая вода

«Издательские решения»

Бирюков М. С.

Тихая вода / М. С. Бирюков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-670113-7

Ее мир — идеальные линии московских небоскребов и выверенная геометрия собственной жизни. Его крах — внезапная трещина, разверзшаяся после потери. Оставшись наедине с болью и пустотой, архитектор Вера берет в руки ручку и блокнот. «Сядь, подыши, напиши». Так начинается ее путь — не проектирование зданий, а восстановление собственной души. Современная русская проза, которая лечит душу и напоминает о главном. Книга, после которой хочется жить.

ISBN 978-5-00-670113-7

© Бирюков М. С.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	13
Часть 2: Тихая вода	14
Глава 6	14
Глава 7	16
Глава 8	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Тихая вода

Матвей Сергеевич Бирюков

© Матвей Сергеевич Бирюков, 2025

ISBN 978-5-0067-0113-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тихая вода

Часть 1: Трещины на фасаде

Глава 1

Стекло и бетон Москвы встречали утро равнодушным серым светом. Ноябрь – не месяц для сантиментов, он честно показывает все как есть: голые ветки, стылую землю под ногами редких газонов, усталые лица в потоке машин. Вера любила эту честность. Или, скорее, привыкла к ней, как привыкают к хронической болезни – не замечаешь, пока не начнется обострение. Ее собственная жизнь была такой же – выстроенной по четким линиям, как фасады зданий, которые она проектировала. Ничего лишнего, все функционально, все подчинено контролю. По крайней мере, ей так казалось.

Подъем в шесть тридцать. стакан воды с лимоном. Йога – двадцать минут, чтобы разбудить тело, но не дать ему расслабиться слишком сильно. Душ. Черный кофе без сахара, сваренный в идеальной гейзерной кофеварке. Быстрый взгляд на новостные заголовки – знать фон, не погружаясь. Одежда – строгая, элегантная, преимущественно монохромная. Никаких кричащих деталей. Ее образ был продолжением ее работы – выверенный, стильный, немного холодный.

Офис встречал запахом того же кофе, тихим гулом компьютеров и сосредоточенным бормотанием коллег. Архитектурное бюро на двадцать пятом этаже одной из башен Сити. Вид из панорамных окон должен был вдохновлять, но Вере он чаще напоминал гигантский муравейник, где каждый бежит по своей траектории, редко задумываясь о смысле общего движения. Она садилась за свой огромный белый стол, включала компьютер, и мир сужался до экрана монитора, до чертежей, рендеров, смет. Здесь она была богом. Маленьким, но всемогущим. Движением мышки возводила стены, прорубала окна, создавала пространства, в которых потом будут жить, работать, любить или ненавидеть другие люди. В этом был порядок. В этом был смысл, который она сама себе назначила.

Сегодня на повестке дня был сложный проект – реконструкция старого промышленного здания под модный лофт-квартал. Заказчик нервный, сроки горят. Вера погрузилась в работу с головой, пальцы летали по клавиатуре, взгляд был прикован к экрану. Легкая головная боль, привычная спутница последних месяцев, стучала в висках, но она не обращала внимания. Контроль. Главное – контроль.

Телефон на столе завибрировал неожиданно резко. Не рабочий – личный. Номер незнакомый, но код города... Сердце сделало странный кульбит, будто наткнулось на невидимую преграду. Она не любила неожиданных звонков. Они нарушали выстроенный ритм.

– Да, слушаю, – голос прозвучал ровно, даже чуть суше обычного.

– Верочка? Вера Павловна? Это соседка ваша... тети Нины... из Малиновки... Бабушки вашей... – голос на том конце провода был пожилой, дребезжащий, полный слез и растерянности.

Малиновка. Бабушка. Слова, которые Вера давно отодвинула на периферию сознания, как старую мебель в дальнюю комнату. Бабушка Нина, мамина мама, единственный оставшийся островок ее детства, ее корней. Она давно не была там, все некогда, все работа, Москва засасывает... Звонила редко, разговоры были короткие, немного формальные. Бабушка всегда говорила, что у нее все хорошо, только голос становился все тише с каждым годом.

– Да, это я. Что случилось? – Вера почувствовала, как холодеют пальцы. Офисный гул отодвинулся, стал нереальным.

– Ох, Верочка... Бабушки нашей... не стало... Сегодня утром... Сердце... Скорая приехала, а уже все...

Мир качнулся. Стекло панорамного окна напротив вдруг пошло рябью, как вода. Головная боль ударила набатом. Нет. Это какая-то ошибка. Бабушка... она же всегда была. Крепкая,

суровая, с морщинистыми, но сильными руками, пахнущими землей и яблоками. Она не могла просто... не стать.

– Как... Вы уверены? – глупый вопрос вырвался сам собой.

– Ох, деточка, как не быть уверенной... Лежит вот... Приезжай, Верочка. Надо же хоронить... Одна ты у нее осталась кровиночка-то...

Вера молчала, слушая плач в трубке. Она чувствовала, как что-то внутри нее, какая-то важная несущая конструкция, треснула. Тонко, почти неслышно, но необратимо. Фасад ее упорядоченной жизни дал трещину.

– Да, – сказала она наконец, сама не узнавая свой голос. Он был чужим, деревянным. – Я приеду. Скажите... скажите, что нужно.

Она записывала что-то на автомате – адрес, телефон, имя какого-то человека, который поможет с организацией. Пальцы плохо слушались. Потом звонок закончился. Тишина в ушах звенела. Коллега за соседним столом мельком взглянул на нее, но тут же отвернулся – в их мире не принято было проявлять излишнее любопытство к чужим эмоциям.

Вера смотрела на свои руки, лежащие на белом столе. Они дрожали. Мелко, противно. Она сжала их в кулаки. Контроль. Нужно держать контроль.

Она встала, подошла к окну. Москва раскинулась внизу – огромная, равнодушная, живущая своей жизнью. А там, далеко, в маленьком городке Малиновка, в старом доме с покосившимся забором, только что оборвалась нить, связывавшая ее с чем-то настоящим, с прошлым, с корнями. И эта пустота, образовавшаяся на месте обрыва, начала стремительно заполнять ее изнутри ледяным сквозняком.

Она вернется за свой стол. Напишет заявление на отпуск за свой счет. Купит билет на поезд. Соберет сумку. Все по плану. Все под контролем. Но трещина уже появилась. И Вера смутно, почти животным чутьем понимала – это только начало. Шторм только начинался.

Глава 2

Поезд Москва-Воронеж шел медленно, будто нехотя увозя Веру из привычного мира в тот, другой, забытый, который теперь неотвратимо требовал ее присутствия. Она сидела у окна в почти пустом купе СВ – хотелось максимальной изоляции, тишины, но тишина не наступала. В голове назойливо крутились обрывки мыслей, воспоминаний, деловых задач. За окном проплывали унылые подмосковные пейзажи, потом потянулись поля, перелески – все серое, размытое ноябрьским дождем.

Малиновка встретила ее такой же серостью, запахом мокрой земли и дыма из печных труб. Маленький вокзал, несколько таксистов у входа.

– До Центральной улицы, дом семнадцать, – сказала Вера, садясь в старенькую «Волгу». Водитель, пожилой мужчина в кепке, молча кивнул.

Городок почти не изменился с ее последнего приезда лет десять назад. Те же двухэтажные дома, обшарпанные вывески магазинов, разбитый асфальт. Только люди казались старше, усталее. И церковь на холме... она помнила ее полуразрушенной, а теперь купол блестел свежей позолотой, и стены были белыми, чистыми. Вера мельком взглянула и отвернулась. Это было из другого мира, не ее.

Дом бабушки стоял на тихой улочке, утопавшей в грязи. Деревянный, с резными наличниками, когда-то синий, а теперь облупившийся, с покосившимся забором. Во дворе уже стояли люди – соседи, дальние родственники, которых Вера видела пару раз в жизни и почти не помнила. Их лица были скорбными, но как-то обыденно скорбными, словно похороны были таким же привычным делом, как посадка картошки.

Ее встретила та самая соседка, тетя Валя, полная женщина в темном платке, с заплаканными глазами. Она обняла Веру, запричитала:

– Ох, Верочка, сиротинушка ты наша... Приехала... Бабушка-то как тебя ждала, все говорила: «Внучка у меня умница, в Москве большая начальница»...

Вера стояла, как деревянная, не зная, что отвечать, как реагировать на эти объятия, на эти слова. Она чувствовала себя чужой, наблюдателем на странном, архаичном спектакле. Ее московская броня – стильное пальто, дорогая сумка, сдержанное выражение лица – казалась здесь неуместной и хрупкой.

Потом были два дня как в тумане. Приезжали еще какие-то люди, приносили еду, тихо переговаривались. Вера сидела на старом диване в горнице, отвечала на вопросы, принимала соболезнования, но все это происходило словно не с ней. Она видела бабушку – маленькую, иссохшую, лежащую в гробу посреди комнаты, украшенном искусственными цветами. Лицо ее было строгим, почти незнакомым. Вера не могла заплакать. Слезы стояли где-то глубоко комом в горле, но не выходили наружу. Контроль. Она должна держать контроль.

Самым странным и чуждым было отпевание. Ее уговорили, сказали: «Надо по-христиански». Вера согласилась, не желая спорить. Церковь внутри оказалась больше и светлее, чем казалась снаружи. Пахло ладаном и воском. Священник в блестящих ризах читал молитвы на непонятном языке. Пел хор – нестройно, но как-то очень искренне, проникая под кожу помимо воли. Вера стояла в стороне, разглядывая старые фрески на стенах – темные лики святых смотрели на нее с укоризной или сочувствием, она не могла понять. Она наблюдала за людьми – как они крестятся, кланяются, как плачут, не стесняясь. В их горе было что-то настоящее, неподдельное, чего она не чувствовала в себе. Она была здесь чужой, этнографом, изучающим непонятные ритуалы. Но где-то в глубине шевельнулось странное чувство – не веры, нет, но какой-то смутной тоски по чему-то утраченному, чего она, возможно, никогда и не имела.

Потом было кладбище на окраине городка, стылый ветер, комья мокрой земли, стучащие по крышке гроба. Поминки в доме – водка, блины, кисель, тихие разговоры, воспоминания о бабушке. Вера слушала эти истории – о ее молодости, о войне, о том, как одна поднимала маму, как работала в колхозе, как ходила в ту самую церковь, пока ее не закрыли, а потом молилась дома перед старой иконой. Простая, тяжелая жизнь, полная лишений, но в этих рассказах не было озлобленности, только какая-то тихая мудрость и принятие.

Вечером все разошлись. Вера осталась одна в пустом, гулком доме. За окном выла метель, первая в этом году. Тишина давила на уши. Пахло пылью, старым деревом и чем-то еще неуловимым – запахом ушедшей жизни. Вера прошла по комнатам – маленькая кухонька с русской печкой, горница с иконой в углу, завешанной вышитым рушником, спальня бабушки с железной кроватью, накрытой лоскутным одеялом. Все было бедным, но очень чистым и аккуратным. Здесь время текло иначе. Здесь не было места суете, погоне за успехом, панорамным видам из окна двадцать пятого этажа. Здесь была... жизнь? Или ее завершение?

Она села на диван, тот самый, где сидела последние два дня, и только теперь, в полной тишине и одиночестве, слезы наконец хлынули. Беззвучно, горько, она плакала не столько о бабушке, которую, как оказалось, почти не знала, сколько о себе – о своей пустоте, о своей растерянности, о трещине, которая прошла по всей ее такой правильной и контролируемой жизни. Плакала от внезапного острого чувства сиротства, которое настигло ее в тридцать пять лет в этом старом, пахнущем прошлым доме.

Глава 3

Следующие несколько дней Вера решила остаться в Малиновке. Нужно было разобраться вещи, решить что-то с домом. Да и возвращаться в Москву, в свою стеклянную башню, пока не хотелось. Там ждали работа, обязательства, привычная суета, которая теперь казалась фальшивой и бессмысленной. Здесь же, в тишине старого дома, время словно остановилось, давая возможность вздохнуть, оглядеться.

Она начала с бабушкиной комнаты. Открыла старый шифоньер, пахнувший нафталином и сухими травами. Простая одежда, несколько вышитых рушников, стопка постельного белья, которое пахло морозом и чистотой. На верхней полке – коробка из-под обуви. Вера сняла ее, сдула пыль. Внутри оказались фотографии. Черно-белые, пожелтевшие. Молодая девушка с серьезным взглядом – бабушка Нина. Вот она с дедом, которого Вера никогда не знала, он погиб на войне. Вот мама, совсем маленькая, с бантиками. Вот сама Вера – смешной карапуз на руках у молодой еще бабушки. Лица из прошлого смотрели на нее, и Вера чувствовала, как оживает тонкая ниточка связи, которую она считала оборванной.

В другой коробке нашлись письма. Конверты с выцветшими адресами, треугольники военных лет от деда. И письма от мамы – из города, где она училась, потом из Москвы, куда переехала после замужества. Вера разворачивала хрупкие листки, читала о простых событиях, радостях, тревогах. Обычная жизнь, но за строчками угадывалась любовь, забота, невидимая связь между матерью и дочерью.

А потом она нашла то, что искала, сама не зная об этом. В ящике комода, под стопкой платков, лежала толстая тетрадь в клеенчатой обложке. Дневник. Бабушкин дневник. Вера открыла его с замиранием сердца. Записи велись нерегулярно, убористым, но четким почерком. О погоде, об урожае, о соседях, о болезнях, о внучке Вере, которая «опять не позвонила». Ничего особенного, хроника тихой провинциальной жизни.

Но между строк, в коротких замечаниях, в цитатах, выписанных на полях, Вера начала улавливать что-то еще. Бабушка писала о своих походах в церковь, когда ее снова открыли. Не фанатично, без экзальтации, а просто, как о части своей жизни. «Была на службе. На душе стало легче». «Помолилась за Веру, чтобы у нее все было хорошо. Далеко она, беспокойно мне». «Читала Псалтирь. Какие слова мудрые, утешают».

Были и размышления о жизни, о смерти, о смысле. Простые, без философских изысков, но глубокие в своей простоте. «Человек рождается для труда и терпения. А радость – она в малом: в солнышке, в добром слове, в хлебе на столе». «Господь не дает испытаний сверх силы. Надо верить и надеяться». «Страшно не умереть, страшно жить без любви и без Бога в душе».

Вера читала и чувствовала, как ее собственная жизнь – успешная, наполненная событиями, проектами, поездками – вдруг показалась ей пустой и поверхностной по сравнению с этой тихой, неприметной жизнью простой женщины, которая умела находить опору и смысл там, где Вера видела только серость и скуку. В ее мире не было места ни терпению, ни надежде на что-то высшее. Только расчет, контроль и вечная гонка за успехом, который не приносил радости.

Она просидела над дневником до поздней ночи. За окном метель утихла, выглянула луна, осветив заснеженный сад за домом. В комнате было холодно, но Вера не замечала. Она чувствовала, как что-то сдвинулось в ней. Не то чтобы она вдруг поверила в Бога бабушки Нины. Нет. Но она увидела другую систему координат, другую шкалу ценностей. И эта система показалась ей более устойчивой, более человеческой, чем та, по которой она жила до сих пор.

Она закрыла дневник, бережно положила его обратно в ящик. В доме было тихо-тихо. Только старые часы на стене мерно тикали, отсчитывая время. Вера подошла к окну. Снег лежал на ветках яблонь, искрился в лунном свете. Красиво. Она давно не замечала такой про-

стой красоты. Она глубоко вздохнула. Воздух был чистым и морозным. И впервые за долгое время ей не хотелось никуда бежать.

Глава 4

Возвращение в Москву было похоже на погружение в холодную воду после теплой ванны. Шум, скорость, толпы людей, неоновые огни – все это обрушилось на Веру, едва она вышла из вагона на Павелецком вокзале. Привычный мир, который она оставила всего несколько дней назад, теперь казался оглушающим, агрессивным и чужим.

Ее квартира встретила ее идеальным порядком и тишиной. Но эта тишина была другой, не той, что в бабушкином доме. Здесь она была пустой, стерильной, звенящей одиночеством. Вера прошлась по комнатам, провела рукой по гладкой поверхности дизайнерского стола, посмотрела на свое отражение в зеркале – бледная, уставшая, с темными кругами под глазами. Фасад держался, но изнутри все было в руинах.

На работе ее ждали с нетерпением. Проект лофт-квартала требовал ее внимания. Коллеги выражали сочувствие – коротко, сдержанно, как принято. «Держись». «Соболезную». И тут же переключались на рабочие вопросы. Вера пыталась включиться, заставить себя думать о планах, согласованиях, материалах. Но все это казалось таким мелким, таким неважным по сравнению с той тишиной и теми вопросами, которые она привезла с собой из Малиновки. Разговоры о бюджетах, сроках, эстетике минимализма вызывали только глухое раздражение. Ей хотелось крикнуть: «Люди, о чем вы? Какая разница, какой оттенок серого выбрать для стен, если жизнь такая хрупкая и непонятная штука?» Но она молчала. Контроль.

Отношения с Игорем, ее партнером, тоже дали трещину. Он был погружен в свой мир – успешный юрист, вечно занятой, амбициозный. Он встретил ее сдержанным сочувствием, спросил, как все прошло, но было видно, что ему не терпится вернуться к своим делам. Ее изменившееся состояние, ее молчаливость, ее отстраненность его раздражали.

– Вер, ну что ты как неживая ходишь? – спросил он однажды вечером, когда она отрешенно смотрела в окно на огни ночного города. – Понимаю, бабушка умерла, это тяжело. Но жизнь продолжается. У тебя проект горит, у меня сделка века на носу. Соберись.

– Собраться? – Вера повернулась к нему. – Ты правда думаешь, что можно просто взять и «собраться», когда у тебя внутри все рассыпалось? Когда ты вдруг понял, что вся твоя жизнь... она какая-то... неправильная?

– Что значит неправильная? – Игорь нахмурился. – У тебя отличная работа, квартира в центре, мы вместе... Чего тебе еще не хватает? Опять экзистенциальный кризис? Мы же это проходили.

– Наверное, не хватает смысла, Игорь, – тихо сказала Вера. – Того самого, о котором ты так не любишь говорить.

– Ой, все, началось, – он махнул рукой. – Если тебе нужен смысл – сходи к психологу. Или на йогу продвинутую запишись. Только не грузи меня, ладно? У меня своих проблем хватает.

Вера смотрела на него и понимала, что они говорят на разных языках. Пропасть между ними, которая существовала и раньше, теперь стала огромной, непреодолимой. Он жил в мире внешнего, в мире достижений и статуса. Она же стояла на пороге какого-то другого мира, пугающего и непонятного, и ей отчаянно нужен был кто-то, кто просто посидел бы рядом, помолчал, понял без слов. Но этого человека рядом не было.

Она чувствовала себя абсолютно, пронзительно одинокой. Одинокой в своей стильной квартире, одинокой в шумном офисе, одинокой рядом с человеком, которого когда-то считала близким. Трещина разрасталась, грозя обрушить все здание ее жизни. И Вера не знала, что с этим делать. Куда бежать? К кому обратиться? Тишина квартиры давила, загоняя ее в угол.

Глава 5

Однажды вечером, не в силах больше выносить звенящую пустоту квартиры и собственную беспомощность, Вера начала бесцельно перебирать ящики стола. Старые счета, ненужные бумаги, рекламные буклеты... И вдруг наткнулась на то, о чем давно забыла. Толстый блокнот в твердой обложке и хорошая перьевая ручка – подарок Игоря на какой-то праздник год или два назад. «Будешь записывать свои гениальные идеи», – сказал он тогда с легкой иронией. Блокнот так и остался чистым. У Веры не было времени на «гениальные идеи» вне работы, да и записывать что-то от руки казалось ей старомодным и неэффективным.

Сейчас она взяла блокнот в руки. Плотная кремовая бумага, тисненый логотип на обложке. Ручка приятно легла в ладонь. Вера села за стол, открыла первую страницу. Чистый лист смотрел на нее молчаливым укором. Что писать? О чем?

И тут в голове всплыли слова, которые она где-то читала или слышала, а может, они родились сами собой из глубины ее отчаяния: «Сядь. Подыши. Напиши».

Она сделала глубокий вдох, выдох. Еще раз. Плечи немного расслабились. Она обмакнула перо в чернильницу – чернила были густые, темно-синие. И начала писать.

Первые слова давались с трудом. Рука немного дрожала, буквы получались корявыми. Она писала о бабушке. О поездке в Малиновку. О пустом доме. О чувстве вины за то, что так редко звонила, так редко приезжала. О своем страхе перед будущим. О непонимании с Игорем. О работе, которая больше не радовала.

Она писала быстро, сбивчиво, перескакивая с одного на другое. Мысли путались, эмоции захлестывали. Слезы капали на бумагу, расплываясь синими кляксами. Это не было похоже на связный текст, скорее на хаотичный поток сознания, на крик души, облеченный в слова. Она не пыталась быть логичной, не подбирала выражений, не заботилась о стиле. Она просто выплескивала на бумагу все то, что накопилось внутри, всю боль, растерянность, страх, одиночество.

Она писала и писала, исписывая страницу за страницей. Рука устала, пальцы свело судорогой, но она не останавливалась. Слово прорвало плотину, и поток слов невозможно было удержать. Она писала до тех пор, пока не почувствовала полное опустошение.

Когда она наконец отложила ручку, за окном уже светало. Голова гудела, глаза слипались. Она посмотрела на исписанные листы. Хаос. Боль. Но... где-то под всем этим забрезжило что-то еще. Едва заметное чувство облегчения. Слово тяжелый груз, который она носила в себе, стал чуточку легче. Она выговорила. Пусть не человеку, а бумаге, но она смогла облечь свою боль в слова, вынести ее наружу.

Вера закрыла блокнот. Она не знала, будет ли продолжать писать. Не знала, поможет ли это ей найти ответы на ее вопросы. Но в тот момент, сидя за столом в предрассветных сумерках, она почувствовала, что сделала первый шаг. Шаг из парализующего отчаяния навстречу самой себе. Может быть, это и есть начало пути? Сядь. Подыши. Напиши. Может быть, в этих простых словах действительно скрыта какая-то сила?

Она встала, подошла к окну. Город просыпался. Серый, но уже не такой враждебный. Где-то там, за крышами домов, занимался новый день. И Вера встретила его без прежнего ужаса. С маленькой, робкой надеждой на то, что свет все-таки придет.

Часть 2: Тихая вода

Глава 6

Московская суета больше не увлекала Веру, она ее отторгала. Шум проспектов, блеск витрин, вечная спешка людей с озабоченными лицами – все это казалось ей теперь декорацией к спектаклю, в котором она больше не хотела играть. Она начала инстинктивно искать другие места, островки тишины посреди этого бурлящего океана.

Сначала это были парки. Коломенское с его древними церквями, похожими на белые свечи на фоне серого неба, и простором над рекой. Нескучный сад с его тенистыми аллеями и тихими уголками, где можно было сидеть на скамейке, наблюдая за неспешной жизнью природы. Царицыно с его немного бутафорской, но все же умиротворяющей красотой дворцов и прудов. Она бродила там часами, бесцельно, просто позволяя ногам нести ее, а глазам – впитывать спокойные краски осени, переходящей в зиму. Она куталась в шарф, дышала влажным, прохладным воздухом и чувствовала, как напряжение понемногу отпускает.

Работа превратилась в повинность. Она ходила в офис, делала то, что требовалось, но без прежнего азарта, без огня. Мысли ее часто улетали далеко от чертежей и согласований. Коллеги замечали перемену, но списывали на недавнюю потерю. Игорь тоже старался быть терпеливым, но его терпение явно имело пределы. Вера чувствовала себя все более отчужденной от своей прежней жизни, словно между ней и миром выросла невидимая стена.

Однажды, возвращаясь с очередной бессмысленной встречи, она свернула с шумной улицы в тихий переулок в районе Замоскворечья. Она шла, разглядывая старые особняки, уютные дворики, и вдруг увидела открытые ворота, ведущие во двор старого монастыря. Марфо-Мариинская обитель. Она знала это название, но никогда здесь не была. Что-то потянуло ее внутрь.

Она вошла в ворота и оказалась в другом мире. Шум города мгновенно стих, сменившись звенящей тишиной, нарушаемой лишь шелестом ветра в голых ветвях деревьев да криками галок. Белоснежные стены храма с необычными, сказочными формами, ухоженные дорожки, аккуратно подстриженные кусты, еще хранящие остатки осенней листвы. Никакой суеты, никакой спешки. Несколько женщин в темных платках и длинных юбках бесшумно скользили по своим делам. Старушка сидела на скамейке у входа в храм, перебирая четки.

Веру охватило странное чувство покоя. Она не была верующей, церковные ритуалы были ей чужды, но сама атмосфера этого места действовала умиротворяюще. Здесь не было ничего от той холодной, выверенной эстетики, к которой она привыкла в своей работе и жизни. Здесь все было проникнуто тишиной, светом и каким-то незримым присутствием... чего? Истории? Веры? Человеческого тепла?

Она нашла свободную скамейку под старым деревом, села. Достала из сумки термос с чаем, который теперь часто носила с собой. Отхлебнула горячий, ароматный напиток. Солнце, редкое для ноября, пробилось сквозь тучи, осветив белый храм, и он словно засветился изнутри. Вера сидела, смотрела, дышала. Она ничего не просила, ни о чем не думала специально. Просто была. Здесь и сейчас. И впервые за долгое время ей стало по-настоящему хорошо. Не весело, нет, но спокойно. Словно волны ее внутреннего шторма на мгновение улеглись, и она увидела тихую, гладкую воду под ними.

Она не знала, сколько так просидела. Может, полчаса, может, час. Время здесь текло иначе. Когда она встала, чтобы уйти, ноги были легкими, а голова ясной. Она не нашла ответов на свои вопросы, но почувствовала, что есть места, где душа может отдохнуть. И она решила,

что будет возвращаться сюда, в эту тихую гавань, когда шум мира станет совсем невыносимым. Это было ее маленькое открытие, ее личное убежище.

Глава 7

Вера стала чаще бывать в тихих местах. Иногда это был тот самый монастырский дворик, иногда просто сквер на Патриарших прудах ранним утром, когда там почти никого нет, или набережная Москвы-реки в районе Фрунзенской, где можно было долго идти, глядя на темную воду и огни на другом берегу. Она искала не людей, а именно тишину, возможность побыть наедине со своими мыслями, которые понемногу начинали упорядочиваться благодаря ее записям в блокноте.

Однажды субботним утром она снова пришла в Коломенское. Было морозно, выпал первый легкий снежок, который хрустел под ногами. Воздух был прозрачным и чистым. Вера брела по аллее в сторону Дьякова городища, любуясь древней церковью Усекновения главы Иоанна Предтечи, похожей на сказочный терем. Людей было мало.

У подножия холма, недалеко от церкви, она заметила пожилого мужчину. Он сидел на складном стульчике перед небольшим мольбертом и что-то рисовал в альбоме. Одет он был просто, но аккуратно – старое драповое пальто, теплая шапка-ушанка, выдавшие виды валенки. Лицо у него было удивительно спокойное, с сеткой морщинок вокруг глаз, которые смотрели на мир с добрым любопытством.

Вера остановилась поодаль, не решаясь подойти ближе, чтобы не мешать. Но мужчина, почувствовав ее присутствие, поднял голову и улыбнулся ей так просто и открыто, что она невольно улыбнулась в ответ.

– Красиво сегодня, правда? – сказал он негромко, кивнув на заснеженный пейзаж и церковь на холме. – Снежок первый, как пудра сахарная. Чистота.

– Да, очень красиво, – согласилась Вера, подходя чуть ближе. – Вы художник?

– Да какой я художник, – махнул он рукой, но в глазах блеснули смешинки. – Так, для души малую. Стараюсь красоту поймать, пока совсем не замерз. Меня Михаилом зовут, можно просто Михалыч.

– Вера, – представилась она.

– Вера... Хорошее имя. Редкое сейчас. И важное. Без веры-то как? Хоть во что-нибудь верить надо. В красоту, например. Она ведь не обманет.

Он говорил просто, без всякого пафоса, глядя то на свой рисунок, то на Веру. Она почувствовала к нему необъяснимое доверие.

– А вы часто здесь рисуете? – спросила она, чтобы поддержать разговор.

– Как погода позволяет и душа просит. Места тут благодатные. Древние. Намоленные. Чувствуете? Воздух другой. Здесь думается легче. И о вечном, и о простом. Вот стоишь, смотришь на эту церковь – сколько она всего видела? Ивана Грозного помнит. А мы тут суедемся, бежим куда-то... А она стоит. И простоят еще, дай Бог.

Он говорил о вещах, которые Вера сама смутно ощущала в последнее время, но не могла облечь в слова. О течении времени, о суете и вечности, о красоте, которая существует независимо от человеческих проблем.

– А что вы рисуете? – Вера заглянула в его альбом. Там был карандашный набросок той самой церкви – легкий, точный, передающий не только форму, но и какое-то особое настроение места.

– Да вот, пытаюсь ухватить... Не форму даже, а свет. Видите, как он сегодня лежит? Мягко, нежно. Слово благословляет все вокруг. В каждом дне свой свет есть, надо только уметь его разглядеть. Даже в самом сером.

Они помолчали немного, глядя на церковь, на припорошенный снегом склон. Тишина была уютной, не напряженной.

– Трудно сейчас людям, – вдруг сказал Михалыч, словно продолжая свои мысли вслух. – Шумно очень стало. И внутри, и снаружи. Бегут, торопятся, а куда – сами не знают. Теряют себя. А надо бы остановиться иногда. Подышать. Посмотреть вокруг. Вспомнить, кто ты есть. Откуда родом. К чему душа тянется на самом деле, а не то, что модно или выгодно.

Его слова попали Вере прямо в сердце. Это было именно то, что она переживала.

– А как вспомнить? Как найти? – тихо спросила она.

Михалыч посмотрел на нее внимательно, по-доброму.

– А пути у каждого свои, Верочка. Кому-то книга поможет, кому-то доброе слово, кому-то вот такая тишина. А кому-то и горе помогает глаза открыть, как ни странно. Главное – сердце не закрывать. Слушать его. Оно подскажет. Тихонько так, шепотом. Не пропустите.

Он снова улыбнулся, взял карандаш.

– Ну, мне работать надо, пока свет не ушел. А вы гуляйте, дышите. Места тут хорошие, лечат душу.

– Спасибо вам, Михалыч, – искренне сказала Вера. – За разговор.

– Да не за что, – он пожал плечами. – Рад был познакомиться. Заходите еще, если что. Я тут бываю.

Вера пошла дальше, но слова старика звучали у нее в голове. «Слушать сердце». «Разглядеть свет». «Тишина лечит душу». Это были простые истины, но сказанные им, здесь, в этой атмосфере покоя и красоты, они обрели особую силу. Она чувствовала, что эта случайная встреча – не просто так. Словно кто-то невидимый протянул ей руку помощи, указал направление. Не навязывая, не поучая, а просто делясь своей тихой мудростью. И Вера была благодарна за этот подарок.

Глава 8

Вернувшись из Малиновки, Вера привезла с собой не только тяжесть на душе, но и несколько коробок с самыми ценными бабушкиными вещами: фотографии, письма, тот самый дневник и пару старых книг, которые показались ей чем-то важными. Среди них была толстая, потрепанная книга в темном переплете без названия – Псалтирь, как потом подсказала надпись на первой странице, и небольшое, почти карманного формата Евангелие, тоже старое, с пожелтевшими страницами и закладкой-ляссе.

Она убрала коробки в шкаф, не решаясь снова прикоснуться к прошлому. Но после разговора с Михалычем, после его слов о корнях и о том, что «книга может помочь», что-то внутри подтолкнуло ее снова достать эти реликвии.

Одним тихим вечером, когда за окном снова шел снег, а в квартире было тепло и уютно от зажженной настольной лампы, Вера села в кресло и взяла в руки бабушкин дневник. Она перелистывала страницы, уже не с той острой болью, что в первый раз, а с тихой грустью и интересом. Она всматривалась в строки, пытаясь понять мир этой простой женщины, ее опоры, ее радости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.